

*Эту книгу я посвящаю:
моим любимым маме, папе, свекрови...
И твоим родителям, дорогой читатель*

*Зверек трусливый, юркий, кроткий,
Зачем играешь со мной в прятки?
Дрожишь, боясь моих нападков,
За шкурку жалкую свою.
Не трепещи. Тебя лопаткой я не забью.*
Роберт Бернс*,
«Полевой мыши, гнездо которой
разрознено моим плугом».

* В переводе автора.

ПРОЛОГ

«Прежде чем вырыть яму, распили эти чертовы решетки». Это первая моя мысль, когда я открываю глаза.

Белый потолок, свет невыносимо яркий. Пойдите-ка. Я открываю глаза... Или один глаз? В ужасе хватаюсь за лицо, ощупываю его. На левом глазу — повязка. Что за черт?

Я в больнице, судя по запаху лекарств и хлорки. Что? Что с моим лицом? Меня охватывает паника, в голове — тысяча вопросов. Вернется ли зрение? Какую операцию мне сделали? Где все? Где врач? Я хочу, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь объяснил!

На мне — свободная пижама. Я узнаю ее. Очевидно, в больнице уже побывала бабушка и принесла мои вещи, передела меня. Делаю попытку встать — не получается. Но лежа я не вижу ничего, кроме потолка. Закрываю глаза. Странное ощущение; тело словно каменное — тяжелое и не способное двигаться. Но это длится недолго, накатывает боль. Болит все. Пульсирует левая рука. Я смотрю на нее — два неровных бордовых кружка красуются чуть выше запястья. Ожоги от сигарет. Я помню, откуда они, помню все.

Во рту мерзкий привкус тухлятины... Шарю рукой по сторонам. Что я ищу? Воду... В рюкзаке точно должна быть бутылка с водой, но я его не вижу. Ощупываю гладкую поверхность тумбочки, потом расслабляюсь. Пытаюсь вспомнить последнее, что было до больницы: я лежу на

холодной земле, надо мной плавно качаются верхушки сосен. Тошнит. Колотится сердце. В животе взрывают урановые бомбы — обычная реакция на алкоголь. Что в меня влили? Перед глазами мелькают две таблетки, которые *Чудовище* кинуло в бутылку. А потом заставило меня выпить это.

Открываю глаза. И снова белый потолок.

«Я уничтожу тебя», — мягкий хриплый голос звучит в голове снова и снова. Это последние слова, которые я помню. А потом Чудовище бросило мне в лицо горящие угли.

Во рту сухо. Я провожу языком по шершавым губам и прислушиваюсь к себе. Что со мной сделали? Изнасиловали? Что должно чувствоваться, когда лишаешься девственности? По рассказам — боль в животе и промежности, но я ничего не чувствую. Я залезаю рукой под пижаму и провожу между ног — никаких ощущений. Осматриваю руку — никакой крови. Ощупываю грудь — она слегка ноет. Я пытаюсь сесть. С третьей попытки это удается. Осматриваю палату: здесь четыре больничные койки, три, включая мою, заняты. На одной сидит женщина и читает книгу. Заметив, что я очнулась, она встает.

— Я позову кого-нибудь, — говорит она, выходит из палаты, а вскоре возвращается в компании медсестры.

И моей бабушки. И мамы. И отчима. Я заливаюсь краской — мне не очень-то приятно сейчас такое многочисленное общество. Но хорошо, что они хотя бы не додумались взять с собой соседей.

Бабушка и мама кидаются ко мне.

— Тома, Томочка, с тобой все хорошо, — щебечут они, глядя меня по голове.

— Что? Что с моими глазами? — спрашиваю я и хватаюсь за повязку. Голос выходит каким-то слабым и хриплым.

— Не беспокойся, с глазиком все в порядке. Небольшой ожог. Зрение не пострадало. — Мамин голос срывается. Она вот-вот заплачет.

Слова меня успокаивают. Но почему-то противно смотреть на все эти обеспокоенные лица. И я отворачиваюсь.

— Расскажи нам, что произошло? Мы решили, что на тебя кто-то напал, и... — мама смущается, — и... что он мог изнасиловать тебя. Поэтому когда тебя привезли, то сразу же обследовали, а то мало ли... Но, слава богу, этого не случилось. Все хорошо...

Мама заливается слезами. Чтобы не видеть этого, я смотрю на отчима, спрашиваю взглядом: «Какого черта вы ее привезли?».

«Извини», — говорит ответный взгляд. Отчим виновато пожимает плечами. Я вздыхаю. Лучше бы приехал дедушка, он бы развлекал меня шутками и байками. Последнее, что мне сейчас нужно, — смотреть на чужие слезы. Это невыносимо.

— Воды, — прошу я, и мне тут же вручают стакан. Я осушаю его в два глотка, но мерзкий привкус не исчезает. Во рту по-прежнему сухо, горячо и противно.

Нужно придумать, что ответить на их вопрос. Они все ждут мою историю. Кто на меня напал? Всем им придется что-то объяснять. Что угодно, только не правду.

Ведь нельзя признаваться, что это сделал Стас.

Тот самый Стас, с которым мы вместе пошли в первый класс и сидели за одной партой; с которым собирали землянику в лесу, а ясными вечерами, лежа на крыше моей терраски, открывали в небе новые Вселенные. Этот мальчик бывал у нас в гостях так часто, что успел стать членом семьи.

— Я не знаю, кто на меня напал, — качаю я головой. — После выпускного мы с друзьями встречали рассвет на заброшенном мосту. Потом разошлись, я пошла домой через лес...

— Лес? — Мама смотрит испуганно. — Зачем тебя понесло в этот ужасный лес? Там одни маньяки! В прошлом году там девочку убили! — По ее щекам все еще текут слезы.

— Я просто хотела сократить путь. В лесу я наткнулась на незнакомую компанию. Их было человек пять... Одни парни. И у них был костер. Они подошли ко мне, что-то спросили. Я не помню, что я им ответила.

Мама плачет все отчаяннее.

— Сколько можно тебе твердить? Нельзя разговаривать с незнакомыми!

— Оля, — резко обрывает дядя Костя, — дай ей закончить.

Я продолжаю выдумывать историю на ходу. Она не выдерживает никакой критики, с импровизацией у меня всегда было туго... но выбора нет.

— Они сначала показались мне довольно милыми. Но я сразу хотела уйти, и тогда...

Тогда — что? Я судорожно пытаюсь что-нибудь придумать. Не получается, и я начинаю всхлипывать. Родные думают, что это срыв. Что мне больно об этом говорить.

— Они напали, — с трудом произношу я, — и силой заставили меня выпить какую-то дрянь, чтобы я, наверное, отключилась...

Звучит довольно неправдоподобно. Я замолкаю. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом, я бы подумала, что девочка познакомилась с парнями и напилась. А потом они утащили ее в лес и...

Но это действительно было, все так и стоит перед глазами. Стас кидает в бутылку две таблетки. Требуется, чтобы я выпила, а я отказываюсь... Он смотрит по-доброму, почти нежно... а потом тушит сигарету о мою руку, запах паленой кожи заглушает боль, и...

С трудом справляюсь с воспоминаниями и жестом показываю, что сегодня больше не могу об этом говорить. Мама гладит меня по голове.

— Все хорошо, дочка. Они не успели ничего тебе сделать. Пара царапин... Отметины на руке... Ожог на глазике. А что было в конце? Они отпустили тебя? Ты убежала?

— Я не помню, — вру я. Пусть думают, что потеря памяти у меня от шока. Когда они уйдут, я придумаю своей истории логичный конец.

— Мы обратимся в полицию. Этих ублюдков поймают. — Мама обнимает меня и начинает качать, как маленькую.

Полиция? Нет! Ни за что. Но пока я молчу. Потом. Я скажу маме, что не буду писать заявление.

— Как долго я здесь лежу?

— Тебя привезли утром. Сейчас вечер, — отвечает бабушка.

— Ладно, родственнички. Больной нужен отдых, — недовольно говорит медсестра. — Вы и так ее замучили. Давайте-давайте по домам. Прощайтесь. А я пойду за капельницей...

— Капельница? — пугаюсь я. — Зачем?

— Не паникуй. Там витаминчики. Глюкоза. Промоем твою кровь от дряни. Тебе полегче станет. — Она ободряюще улыбается и выходит из палаты.

Бабушка с мамой целуют меня. Говорят ласковые слова. Прощаются. Дядя Костя хлопает меня по плечу. Мама обещает:

— Мы придем завтра, не скучай.

Они уходят из палаты, и я выдыхаю от облегчения. Не то чтобы меня угнетало их общество, но сейчас... сейчас предстоит все обдумать. А для этого нужно уединение.

Входит медсестра, везущая за собой капельницу. Эта штукавина сильно смахивает на вешалку для одежды. Наверху прикреплен стеклянный флакон с прозрачной жидкостью и еще какой-то пластиковый пакет.

— А мне не будет больно? — спрашиваю я.

— Как укус комарика, — уверяет медсестра, протирая мокрой ваткой сгиб моего локтя.

Я смотрю, как иголка входит в кожу. Из пластикового мешочка к моей руке тянется тонкая трубочка; где-то посередине этой трубочки находится маленький прозрачный цилиндрок, из которого по капельке стекает вниз прозрачная жидкость. Почему-то цилиндрок напоминает мне песочные часы.

— Когда здесь останется совсем чуть-чуть, — медсестра показывает на цилиндрок, — поверни колесико.

Я киваю и, когда она уходит, откидываюсь на подушку. Закрываю глаза. Мне нужно о многом подумать. И снова чужой голос в голове шепчет:

«Прежде чем вырыть яму, распили эти чертовы решетки».

— Яма, — говорю я, но с губ срывается лишь слабый шепот.

* * *

Яму я обнаружила еще весной, когда мы в очередной раз убегали.

«Мы» — это я и мои друзья по несчастью: Ромка, Серега и Антон. Вместе мы составляем клуб жертв Стаса Шутова и его чудовищной компании. Койоты — так они себя называют.

Убегая, мы разделились, я ринулась в лес и оказалась в заброшенной промзоне. Там и была яма, частично засыпанная землей и обломками бетона. Сверху ее закрывала железная решетка, толстые прутья которой врезались в землю.

Я запомнила это место и потом привела сюда друзей. Мы приходили к яме еще несколько раз. Она притягивала нас, как магнит.

Мы все думали об одном и том же. Яма могла бы стать идеальной ловушкой. Но, увы, такой она осталась только в наших мыслях, а в реальности оставалась просто ямой.

За время, проведенное вместе, мы в своем клубе стали действовать довольно слаженно, научились многим вещам: как правильно убегать, как становиться невидимкой, как сливаться со стеной, как отключать мозг, пока тебе причиняют боль. Последний пункт — самый сложный. Каждый справлялся по-своему.

Я вот училась у Сереги. Его Койоты всегда «любили» больше других — может, потому что ему тринадцать, он младший из нас. А может, им не нравилась его улыбка до ушей. Теперь эта улыбка особенно красивая: после того, как Стас однажды ткнул его лицом в бетонную плиту и вышиб зуб. Серега, кстати, ничуть не огорчился, даже наоборот. Через эту дырку он научился круто плевать и свистеть.

— Как ты отключаешься от боли? — однажды спросила я его.

— Нужно считать, — ответил он. — Про себя. Раз-два-три... Обычно все заканчивается, когда я дохожу до восьмидесяти. Но один раз я дошел до двухсот пятидесяти... Если тебе не подходит счет, то можно просто думать о приятном.

— О приятном? — переспросила я.

— Да. О приятном. Я обычно думаю о белках. Белки — они вроде приятные.

«Слова режут острее ножа». Это придумали ванильные людишки, которые не сталкивались с настоящей болью. Они знают, что такое разбитое сердце, но даже не подозревают, что такое разбитый нос. А ведь нет ничего хуже физической боли. Никакие моральные страдания не сравнятся с физическими. Такая боль пронзает, ослепляет и оглушает. Твоя температура может подскочить до сорока градусов и тут же упасть до тридцати пяти. По всему телу выступает пот. Ты кричишь, но не слышишь себя; ты теряешь дар речи. Когда тебе жгут кожу, ты извиваешься, как червяк. Железная рука сдавливает твои легкие тисками. Ты не можешь дышать. Все чувства вдруг обрываются, ты ощущаешь только жгучую боль и слышишь смех. Их смех. Они питаются твоей болью.

Я всегда жила словно короткими перебежками, как на войне. Не знала нормальной жизни. Но сейчас голос в голове напоминает мне о яме. Он говорит, что у меня есть выход.

Я смотрю, как из цилиндрика в трубку попадают последние миллилитры жидкости. Поворачиваю колесико. Вскоре медсестра резким движением вытаскивает иголку, но грустные воспоминания так овладевают мной, что я даже не замечаю ее появления.

— Тебе нужно поспать, — говорит она.

— Когда мне снимут повязку? — спрашиваю я. Мне не терпится узнать, как теперь выглядит мое лицо.

— Через пару дней.

Когда медсестра уходит, я закрываю глаза. В голове мелькают воспоминания — о семье, о детстве. О Стасе. Все образы необыкновенно яркие, вспыхивают друг за другом и загораются подобно лампочкам на елочной гирлянде.

* * *

Я просыпаюсь оттого, что кто-то трясет меня за плечо — соседка по палате, та женщина с книгой. Она улыбается.

— Просыпайся! Медсестра сказала тебе сдать мочу. И кровь. Натощак.

Я поеживаюсь. В больнице я лежала один-единственный раз, с почками. Это было полгода назад, а ощущение, будто только вчера. Правда, в тот раз я лежала в детской, в отделении урологии. Сейчас меня поместили во взрослую, в отделение травматологии, смежное с урологией — в палате лежат пациенты обоих отделений.

Я иду в процедурную. Медсестра проверяет мой глаз — отодвигает повязку, потом поправляет обратно.

— Можно хоть посмотреть? — прошу я.

— Сейчас рано. — Она качает головой. — Но у меня для тебя хорошая новость. После обеда тебя посмотрит врач, возможно, снимет уже насовсем.

Я выдыхаю. Залепленный глаз меня изрядно напрягает.

— Зачем вообще залеплять ожог? — спрашиваю я. — Только хуже ведь...

— Пластырь не соприкасается с поврежденной кожей. Заклеили то, что вокруг, чтобы инфекция не попадала. Создали воздушную подушку, чтобы подсыхал.

Я киваю. Медсестра втыкает в меня иголку, и я недовольно морщусь:

— А зачем сдавать кровь и мочу? Со мной же все в порядке.

— Никто не знает, сколько ты пролежала на сырой земле. Может быть, ты простудилась. Нужно понять, нет ли воспаления.

Чувствую я себя не очень хорошо — знобит. Наверное, я все-таки простудилась. Правда, сколько я пролежала в лесу? Кто меня нашел? Последнее, что я помню, лицо Стаса.

«Думаю, ты не захочешь помнить о том, что мы с тобой сделаем. Поэтому просто выпей это». Потом горящие угли. Его голос: «Я уничтожу тебя». И больше ничего... Он бросил меня там, в лесу? А потом меня нашел какой-нибудь случайно проходивший мимо грибник? Надо спросить у родных о моем чудесном спасении.

Я возвращаюсь в палату. У меня две соседки: женщина, с которой я немного успела пообщаться, и девушка чуть постарше меня.

Раздается звон колокольчика. Полгода назад, лежа в больнице, я слышала точно такой же. Похоже, зазывают на завтрак. Я выхожу в коридор, держа тарелку и чашку. В конце — очередь. Толстая женщина в белом чепчике охраняет тележку, на которой стоят два ведра. Каждый подходит к ней, она плюхает в тарелку кашу и масло, в кружку наливает чай.

Я дожидаюсь своей очереди и возвращаюсь к себе. Сажусь на свою кровать, ставлю посуду на тумбочку. Соседки разговаривают, а я ем молча. Мне не хочется общаться.

После завтрака я немного оживляюсь. Беру телефон — тридцать шесть пропущенных вызовов. Двадцать пять — от моих мальчишек. Я пишу им, что со мной все хорошо и чтобы не волновались. Телефон тут же звонит. Я отвечаю на вызов.

— Мы к тебе придем! — звонко кричит в трубку Серега.

— Нет, не надо, — отбиваюсь я, нервно перебирая пальцами прядь волос. — Я выгляжу не очень... Не хочу пугать.

Это правда. Врач придет после обеда, значит, когда заявятся мальчишки, я все еще буду с уродливой повязкой на глазу. Они меня засмеют. Придумают всякие клички, а потом за ними подхватят другие. Нет уж!

Я слышу какое-то шепуршание и мягкий голос Ромки вдалеке:

— Дай сюда.

И снова шебуршание. Видимо, Рома перехватывает трубку.

— Привет, гасконец! — весело говорит наконец он.

— Привет.

— Мы придем.

— Нет.

— Не спорь. Тебя все равно никто не спрашивает.

— Я не скажу номер палаты.

— Ха! Ты думаешь, это нас остановит? Мы найдем тебя везде. От нас не спрячешься.

— Но я выгляжу... — начинаю повторять я.

— А когда ты выглядела очень? Я что-то не припомню, — хохот в трубке.

Не знаю, обидеться мне сейчас или засмеяться. Наверное, последнее. В этом все мои друзья — что бы ни случилось, они никогда и никого не пожалеют, наоборот, будут смеяться и подкалывать. Они не склонят надо мной обеспокоенные лица — они будут ржать. А все почему? Потому что им доставалось от Стаса в свое время столько же, а то и побольше. Они закалились, принимая все происходящее как само собой разумеющееся.

— Ладно, давай только без этого, — морщусь я.

Опять хохоток в трубке.

— Ну что? Говори номер палаты.

— Сорок первая. Четвертый этаж. Отделение травматологии.

— Окей, Томас. Жди нас.

Рома отключается, не дождавшись ответа. Мне почему-то становится холодно, и я надеваю вязаную кофту с капюшоном. Убираю телефон. Смотрю в окно. Асфальтовые тропинки, редкие деревья, люди в белых халатах. Женщины в домашней одежде не спеша гуляют по дорожкам. Унылое зрелище, поскорей бы свалить отсюда.

— Пора пить лекарства! — Вошедшая медсестра протягивает мне железный лоток с медикаментами.

Я беру две желтые таблетки. В моей моче нашли инфекцию. Видимо, я пролежала на земле слишком долго, но все пока не так серьезно, чтобы пить антибиотики. Поэтому прописали фурагин. Кажется, в прошлый раз, когда я лежала в больнице, то тоже его пила.

Запиваю водой. Медсестра, раздав таблетки моим соседкам, уходит, а я снова отворачиваюсь к окну. Думаю о том, какие клички дадут мне парни. Вот бы врач успел снять чертову повязку до них! Хотя неизвестно, может быть, под ней все гораздо хуже и лучше мне оставаться с залепленным глазом.

Так и получается: друзья приходят раньше врача.

— Тук-тук, гасконец, ты здесь? — слышу я за дверью бодрый голос Сереги. — Можно войти? Голых нет?

Я смотрю на соседок по палате. Одна спит, вторая читает. Наверное, не стоит пускать гостей — они будут орать и всем мешать. И я сама выхожу за дверь.

Три пары глаз удивленно смотрят на меня, а я — на ребят. Я не видела их всего пару дней, а как будто прошла вечность. У Сереги отросли волосы? Он маленький, худенький, а голова огромная и сейчас из-за торчащих медно-русых прядей кажется еще больше, напоминает огромный одуванчик. Он широко улыбается. Сквозь дырку в передних зубах виден кончик языка.

Рома как будто повзрослел. Еще больше раздался в плечах. Куда-то пропали его щеки, вместо них — четкие квадратные скулы. Самое броское в его внешности — чересчур короткие брови, от каждой из которых будто осталась половинка, и полоска шрама между ними.

Нижняя челюсть Антона стала еще больше и сильнее выдается вперед. Узкое лицо вытянулось, а зубы стали еще крупнее. Он похож на осла из «Шрека».

Несколько секунд парни смотрят на меня молча. А потом начинают ржать.

— Эй, потише там! — цыкает на нас медсестра со своего поста. Чтобы нормально пообщаться, лучше уйти от нее подальше.

Мы проходим в конец коридора. Здесь у окна стоят два кресла, а вдоль стены — лавочка. На полу — цветы в треснутых горшках. Я сажусь в кресло; Серега запрыгивает на подоконник; Рома занимает второе кресло, а Антон — лавочку. Их ржание не прекращается. Я терпеливо жду.

— Ох, Томас, ну ты нас и повеселила! — заливается Рома.

— Ты теперь не гасконец, — Серега заикается. — Не мушкетер. Ты пират! Гроза морей!

Новый взрыв смеха.

— Одноглазый Том!

— Томас Ромовый Живот!

— Деви Джонс!

— Черная борода!

— Томас Дырявый глаз!

Клички сыплются на меня одна за другой.

— Давайте, смейтесь-смейтесь над большими и убогими, — ворчу я.

— Да ладно, Том. — Рома хлопает меня по плечу. — Не ссы. Ты все еще гасконец. Мы все еще в команде мушкетеров, а?

— Конечно. Д'Артаньян и три мушкетера, — вздыхаю я.

— Ну вот! — улыбается Рома.

И я все-таки сержусь.

— Эй! Вы даже не спросите, что именно произошло? Почему у меня нет глаза?

Лица парней мигом становятся серьезными. Серега тихо говорит:

— Мы еще вчера к бабушке твоей ходили, она нам рассказала все. Ну, не все, конечно, но главное. Что с тобой ничего серьезного. А это самое важное.

— Ничего серьезного! — Я показываю на свой залепленный глаз. — Это так теперь называется? И вот это? — Я задираю рукав кофты и показываю на ожоги.

— Ой, ну давайте теперь шрамами померяемся, — наигранно возмущается Серега. — Я вас всех сделаю! Ни у кого из вас нет наполовину поджаренного бока! А у меня

есть, хотите, покажу?! — Он начинает задирать рубашку. — Поджарили, как свинью!

— Мы сто раз видели твой бекон, — отмахивается Рома.

Я хихикаю. Смешно и грустно одновременно. Года два назад, еще до моего появления в компании, Стас подпалил Сереге кожу на боку, и теперь вдоль его ребер красуется огромный шрам. Рома шутливо называет Серегу пол-Пятачка. Или полпорции бекона. Кроме нас, никто не знает, что это сделал Стас. Родителям Серега сказал, что упал в костер.

— Ну, в общем, бабушка твоя сказала, что с тобой все хорошо, — возвращается к теме Рома. — Что тебя скоро выпишут. А что до подробностей этой истории... — Он качает головой. — Думаю, это вопрос риторический.

Я киваю.

— Сама хочешь что-нибудь рассказать?

Качаю головой.

— Ну, вот поэтому мы и не спрашиваем. Мы никогда не спрашиваем о таких вещах. Захочешь — сама расскажешь.

Киваю. Да. Главное правило — ни о чем не спрашивать, принимать все так, как есть.

По коридору кто-то идет — шаги словно ударяются о стены глухим эхом. К нам подходит медсестра:

— Тамара, там врач пришел. Марш в палату.

Я обрадованно вскакиваю с места и сообщаю друзьям:

— Мне повязку будут снимать!

— О, круто! А нам можно будет посмотреть? — спрашивает Серега.

Я пожимаю плечами, и к палате мы проходим все вместе. Друзья сначала неуверенно топчутся на пороге, но потом решаются зайти внутрь. Врач осматривает моих соседок. Я ложусь на койку. Мушкетеры обступают меня со всех сторон.

— Эй, парни! Чего вас так много? У нас тут не футбольный клуб! — ворчит врач.

